

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

ЛИ ЦЗЮНЬ

Тенденции остранения в романе Татьяны Толстой «Кысь»

(10.01.01 – русская литература)

Актуальность представленной к защите диссертации не вызывает сомнений. Исследование китайского слависта Ли Цзюнь посвящено анализу одного из самых ярких произведений рубежа XX-XXI столетий роману Татьяны Толстой «Кысь». Его автор не только ставит важные в методологическом и теоретическом планах задачи, но и решает их на высоком научном уровне, являя важную для филолога способность постигать авторскую индивидуальность через способ организации эстетической целостности художественного текста.

Роман Т.Н. Толстой уже при выходе в свет получил обширную критику и за последующие годы стал предметом серьезных исследований в самых различных аспектах: жанровом, проблемно-тематическом, лингвостилистическом, гендерном и др. Особенностью его разнообразных в методологическом плане прочтений стал тот очевидный факт, что это произведение совершенно справедливо воспринимается и критиками, и литературоведами как концептуально-завершающее, т.е. задающее некую художественно воплощенную оригинально-авторскую концепцию мира, социума, истории и личности. Подобрать ключ к верифицированному и адекватному постижению этой концепции – задача не из легких, поскольку решающий ее должен учитывать художественные стратегии автора, чья индивидуальность «мерцает» самыми разнообразными гранями: филологической, философской,

собственно писательской, публицистической, медийной, социально-политической, постмодернистской и т.п.

В силу этого актуальность диссертационного исследования Ли Цзюнь обусловлена прежде всего тем, что в ней найден и реализован подход, дающий возможность объединить различные аналитические практики и представить сложный текст «Кыси» в аспекте именно авторской художественной стратегии. Прием остранения в его широком и узком понимании, действительно, способен претендовать на статус «универсального» методологического ключа для такого яркого, нацеленного на эксперимент и абсолютно нонконформистского романа, каковым является «Кысь» Толстой. Адекватность избранной методологии предмету исследования – очевидное и несомненное достоинство представленной к защите диссертации.

Еще одним немаловажным достоинством работы Ли Цзюнь, также обусловившим ее актуальность и теоретическую значимость, является тот факт, что приемы остранения выявляются и описываются в соответствии именно с теми уровнями художественного текста, которые репрезентативны и для его рецепции, что, безусловно, важно для понимания специфики самого процесса остранения, нацеленного на активный диалог продуцирующего и воспринимающего текст сознания. Этими уровнями в работе стали 1) мир в его пространственно-временных координатах, 2) образ в его личностном, нравственно-этическом наполнении и 3) слово как результат рефлексии автора над языком, его историей и современным состоянием. Таким образом, выбор методологии анализа, единой в своей целевой установке, но сочетающей несколько значимых для данного материала ракурсов, представляется особенно удачным.

Научная новизна диссертации также не вызывает сомнений: в ней впервые описан и системно обобщен материал, свидетельствующий об актуальности теоретической проблемы остранения применительно к фактам современного литературного процесса. Кроме того, текст романа Толстой, до сих пор вызывающий полемику в отношении его концептуального содержания,

проанализирован в диссертации целостно и многоаспектно в ключе проблемы, раскрывающей своеобразие и его поэтики, и его идейно-тематического содержания.

Методологическая база диссертационного исследования Ли Цзюнь представлена рядом научных трудов, которые в целом достаточно полно отражают круг затрагиваемых в диссертационном исследовании научных проблем.

Положения, вынесенные на защиту, отражают сложность и многоуровневый характер поставленных исследовательских задач и указывают на теоретическую выверенность представленных гипотез, а также свидетельствуют о глубоком проникновении соискателя в сущность избранной проблематики.

Материал диссертации организован по четырем главам согласно логике движения исследовательской мысли: от теоретического осмысления проблемы остранения – к практике анализа функций этого приема в тексте романа на трех заявленных уровнях его художественной структуры.

В первой главе диссертации «Теоретические аспекты понятия остранения» представлен обзор научной литературы по проблеме. Автор диссертации не просто реферативно излагает содержание актуальных на данный момент научных теорий в этой области, но и выстраивает их в систему, выявляя три основных уровня воплощения приема остранения в художественном тексте. Итогом обзора становится важный в методологическом плане вывод, определивший ход всей дальнейшей работы, ее основную **гипотезу**: способ моделирования реальности, система персонажей и своеобразие языковой репрезентации повествовательных инстанций – все это «слагаемые механизма действия остранения в художественном тексте», которые «имеют некоторую известную относительную самостоятельность, но вместе с тем – все они неразрывно связаны друг с другом и опосредуют один другого», что «позволяет иначе взглянуть на ранее известное и порождает возможность внимательнее рассмотреть прежде неизвестное» (с. 37).

Важным достоинством этой главы является также ее по-настоящему базовый характер: не формальная, а именно функциональная ее значимость становится очевидной в последующих «аналитических» главах диссертации, поскольку, в этой главе названы и теоретически обоснованы способы создания остранения: дискретность художественного пространства и темпоральная расчлененность (с. 34), безразличие к форме как проявление казуальности (случайности) связей между персонажами, авторский произвол в формировании фабулы – и, как следствие, «жесткость» композиционных решений, атипичность процесса номинации вещи (с. 36) и ряд других. Все это говорит о глубоком проникновении автора диссертации в суть избранной проблематики, о его готовности вступать в научный диалог.

Вторая глава диссертации посвящена исследованию «концепции «послевзрывной» истории в романе «Кысь», анализу «аномалий хронотопа и алогизма констант «русского мира».

В связи с этим стоит отметить, что именно пространственные образы и мотивы, глубоко значимые в контексте художественного замысла произведения, в рамках постмодернистской эстетической парадигмы становятся зачастую чуть ли не единственным надежным связующим звеном между авторской интенцией и ментальным багажом читателя, поэтому исследование особенностей функционирования пространственных образов в отечественной литературе последних десятилетий можно считать той областью современного литературоведения, которая испытывает острую потребность в системном и многоаспектном научном осмыслении, будучи напрямую связанной с серьезными ментальными изменениями в восприятии мира современным человеком. Чутко уловленные художественным сознанием, эти изменения оказываются репрезентированы в авторской картине мира порой значительно раньше, нежели в естественнонаучной или социальной. Обращенность к пространственно-временным параметрам созданного Толстой художественного мира также придает исследованию Ли Цзюнь очевидную актуальность и научную значимость.

В главе представлено описание координат остранированного художественного мира антиутопии. Ли Цзюнь выбирает непростой путь, стремясь реконструировать реалии «русского мира», остранированные в романном пространстве Толстой, совместить точки их пересечения и оценить масштаб сдвига.

Соединение «хронотопических координат нынешнего Федор-Кузьмичска и древней Москвы» порождает, по мнению автора диссертации, «единую остранированную аэроторию, в пределах которой развивается действие романа-антиутопии» (с. 57). Заметим в связи с этим, что остранированный мир голубчиков в его бытовом и нравственном убожестве гораздо ближе у Толстой к позднесоветской реальности, о чем свидетельствуют такие его черты, как страсть к переименовыванию, пародийный образ тоталитарной власти, история, мыслимая как процесс сотворения кумиров и их последующего неизбежного ниспровержения, тотальное суеверие при «пустых небесах», склонность к лозунгам и авторитарному слову и т.п.

Спорной видится и мысль о принципиально хаотическом характере пространства: автор диссертации порой противоречит себе, утверждая, например, что «центр мифологического мира романа Толстой формирует образ неведомой кыси» (с. 61), и при этом пишет, что «мир децентрирован расфокусирован», и «ни кысь (мифологический пласт), ни набольший мурза (социальный пласт), ни литература-книга (культурный пласт) не способны сцементировать время-пространство» (с. 78). Аргументами против абсолютизации хаотической модели мира голубчиков могут выступать, на наш взгляд, и подробно прописанная в романе жесткая социальная «вертикаль власти», и сословный «пирог» Федор-Кузьмичска, и, к сожалению, не получившая в диссертации подробного анализа «географическая» модель пространства, – все они вполне способны претендовать на роль «скреп» с реальным «русским миром».

Тем не менее глава интересна и концептуальна уже на уровне поставленной исследовательской задачи: поиск констант «русского мира», того, что неизбежно остается после катаклизмов любой природы и что является ответом на

«проклятый вопрос «Кто мы и куда мы идем?»». Вывод, к которому, по мнению автора диссертации, приходит Толстая, неутешителен, поскольку константами «русского мира» становятся его стремление от человеческого к животному, от высокого – к низкому, от истории – к безвременью и дикости. Однако этот вывод, будучи эстетически поданным читателю как «отрицательная» метафора подлинного «русского мира», предоставляет возможность и «более глубокого погружения в природу человеческой сущности и метафизику человеческого существования» (с. 78).

Не менее интересна и **третья глава** диссертации, посвященная изучению приемов остранения образной системы романа «Кысь». Если в предыдущей главе автор диссертации искал скрепы с отечественным и мировым историко-культурным «контекстом», то эта часть диссертации более «литературна»: персонажи романа рассматриваются по большей мере в литературном контексте.

Рассматривая в первом параграфе главы образ центрального героя романа, Ли Цзюнь демонстрирует хорошие навыки структурного анализа и указывает на специфическую особенность построения образа Бенедикта как героя, помещенного «в систему равновесных отношений с другими героями – наставниками и учителями, коллегами-переписчиками или друзьями, любимыми или симпатизирующими ему женщинами» (с. 123), т.е. как героя, потенциально способного к тому или иному выбору. Подвергая последовательному и скрупулезному анализу структурно-семиотическую природу образной системы в целом, автор диссертации приходит к выводу, что это «исходное равновесие рушится *хаосом* поведения и жизненных представлений героев – Бенедикта и его окружения» (с. 123), указывая, по сути, не на личностные или сугубо средовые, а на экзистенциальные причины немотивированного возвращения к «идеалу бездуховности – к жизни на основе природных (животных, звериных) началах человеческой природы» (с. 126). В связи с этим не совсем ясно, в чем проявляется остраненность житейской философии Бенедикта: за ней встает вполне узнаваемое обывательское сознание? Не слишком убедительно звучит и такая характеристика Бенедикта, как «остраненная «полукровка» со странным

рудиментарным хвостиком» (с. 124), ведь на фоне остальных персонажей романа он выглядит почти самым «нормальным». Требуется дополнительная аргументация и утверждение о том, что «традиционный герой русской литературы совершал путешествие во времени и в пространстве ради духовного взросления» (с. 124) – в русской классике есть и деградирующие персонажи: Плюшкин, Обломов Ионыч, Беликов, как должна пониматься остраненность Бенедикта в их контексте?

Четвертая глава «“Лингвистический эксперимент” в романе “Кысь”» видится особенно удачной в плане фиксации, описания, классификации и концептуализации приемов остранения, работающих на уровне речевой организации произведения. Так, безусловно интересны наблюдения за приемом несобственно-прямой речи, порождающей, по мысли Ли Цзюнь, «стилевые и смысловые смещения», в результате которых происходит остранение повествования и его авторской оценки, оставляющее пространство для тотальной иронии, различного рода параллелей и аллюзий, демонстрирующее открытую диалогичность позиции автора-профессионального филолога, увлеченного игровой вседозволенностью по отношению к языку культуры.

Языковая «политика» Толстой получает разнообразнейшие формы воплощения, которые внимательно и достаточно верифицированно рассмотрены автором диссертации, буквально каталогизированы в некий реестр, имеющий, несмотря на очевидный эмпиризм, важное научное значение для последующих исследований как стиля писательницы, так и способов остранения в современной прозе. Китайская исследовательница подвергает научной рефлексии формы окказионализмов, лексическую деформацию, неографизмы, процессы обратной семантизации и нарушения стилевой доминанты, деэтимологизацию, реноминацию и ряд других приемов. Важно, что автор работы не ограничивается, как уже было сказано выше, процессом фиксации приема, но и стремится сформулировать то смысловое «приращение», которое появляется в результате его использования как формы остранения реальности. Например, процессы «обратной» семантизации и нарушения стилевой доминанты, неразличения смысла и стилового поля «непонятных» голубчикам слов становятся у Толстой,

по мнению Ли Цзюнь, «исходной точкой для иронии автора, но одновременно – отражением степени языковой неразвитости голубчикова мира» (с.142), а пунктуационное остранение, упраздняющее знаки пунктуации, дополненное остраненной грамматической формой (механическим уподоблением различных падежных форм: в работе // в жизни) свидетельствует об автоматизме восприятия, об отсутствии искреннего порыва героя» (с. 144).

Значительное место в главе отведено и анализу инертекстуальных ресурсов остранения. По-настоящему интересны наблюдения за «пушкинским текстом», которые показывают в очередной раз смысловую неисчерпаемость всего, что дается в культуре «на фоне Пушкина». Отметим кстати, что интертекстуальное сближение «Пушкин – мышь» через известный афоризм Ап. Григорьева может вывести на еще один аллюзивный план: жизнь без творческого начала, без душевного воспарения и пламени сердца превращается в «мышью беготню», что вполне вписывается в представленную автором диссертации и планомерно развитую в предыдущих главах концепцию остраненной голубчиковской жизни.

Таким образом, в диссертации дано последовательное, научное, концептуальное завершение пестрой и полиструктурной ткани романа Толстой в ключе удачно выбранной проблемы, а поставленные в диссертационном исследовании задачи можно считать успешно выполненными, сформулированные в «Заключении» выводы в целом вполне убедительны.

Заслугой Ли Цзюнь надо считать четкое структурирование диссертации, научное обоснование актуальности, предмета, целей и задач исследования.

Теоретическая значимость диссертации обусловлена тем, что в ней не только уточняется содержание понятия «остранение», но и разработан и продуктивно применен новый исследовательский ракурс, основанный на структурном анализе произведения в ключе процесса остранения, представленном в широком литературном и общеэстетическом контексте и с учетом современной исследовательской практики (общий список использованной литературы включает 201 наименование).

К недочетам работы можно отнести следующие:

1. Цель работы сформулирована слишком широко – та ее часть, где говорится о необходимости «определить выработанные к настоящему времени филологической наукой теоретические и методологические положения, основанные на дифференциации понятия остранения и на осмыслении механизма его действия в тексте» (с. 14) стоило бы перенести в перечень задач, т.к. она имеет более частный характер и решается в определенном разделе диссертации.
2. При теоретико-методологическом обосновании второго «уровня» проявлений феномена остранения происходит досадная путаница: неразличение таких понятий, как «образная система» (название главы), «формулы образности и словесности» (задача 3), «образные конструкции» (задача 5), «уровень системы персонажей» (с. 30), что требует пояснений.
3. Не получила освещения проблема определения центра исхождения остранения: что остраняется автором, а что героем, в результате – не различаются интенции, и, возможно, поэтому не учитывается роль игрового, карнавального начала в процессе остранения.

Отмеченные недостатки имеют частный характер. В целом же диссертация Ли Цзюнь «Тенденции остранения в романе Татьяны Толстой “Кысь”» представляет собой законченное, самостоятельное исследование, выполненное на высоком научном уровне. Оно вносит определенный вклад в изучение истории отечественной литературы, в разработку методов и приемов анализа произведений в аспекте их жанровой и стилевой специфики, а также в процесс теоретической разработки понятия «остранение». Материалы, представленные в исследовании, могут быть использованы при разработке лекционных курсов по истории современной русской литературы, спецкурсов по поэтике жанра антиутопии, по изучению языка современной прозы, по творчеству Т.Толстой.

Основные положения диссертации нашли отражение в 9 публикациях научного характера и в автореферате, содержание которого соответствует тексту работы.

Диссертация «Тенденции остранения в романе Татьяны Толстой “Кысь”» соответствует требованиям пунктов 9, 10, 11 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, а ее автор Ли Цзюнь заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы и журналистики
(со 2 сентября 2015 кафедры журналистики
и медиакоммуникаций) института филологии и
межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный
университет»,
Светлана Юрьевна Воробьева

10 ноября 2015 г.

400062 Волгоград, Проспект Университетский, 100.

ВолГУ, кафедра журналистики и медиакоммуникаций

(84442)460280 stilvolsu@mail.ru

Подпись	<i>Воробьева СВ</i>	заверяю
Ученый секретарь федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет»		
Н.В. Лисовская		20 15.

